

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

первая книга

РАТИБОР И ОДА

СЕРГЕЙ SKOLORUSSOV

16+

Сергей Skolorussov

Ратибор и Ода. Первая книга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42368822

SelfPub; 2019

Аннотация

История любви из мрачного Средневековья. Она была известна всем. Её рассказывали скальды, стихи слагали менестрели, а барды в песнях прославляли. Она – дочь Ивара по прозвищу Широкие Объятья, грозы морей, чей славный меч звенел во многих странах. Он – князя вагров сын. Наперекор судьбе, отцу, завистникам и воле злого рока проторила свой путь их страстная любовь. Но, впрочем, забежать в финал не стоит, скверная затея. Скажу одно – здесь в каждой строчке правда. История земная. Тем удивительней любовь, что пронесли по жизни Ратибор и Ода. О, где вы барды? Навек умолкли менестрели... Спасибо скальдам, написавшим саги.

Содержание

От автора	5
Предыстория	10
Часть первая	31
Глава 1	32
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Посвящается памяти моего дедушки Василия Александровича Бережского

От автора

Я считала эту историю сказкой. В детстве мне её рассказывал дед. Она запала в мою душу до такой степени, что я могла заснуть только под неё. А днём мы играли. Мой брат Васька был Ратибором, а я, естественно, Одой. Одевала игрушечную корону, мамины сапоги, заворачивалась в красный бархатный дивандек с золотыми кистями по краям и шла защищать свою любовь. Васька милостиво давал мне право первой выбирать оружие. После чего мы с ним устраивали рыцарские поединки. Почему с ним? Так никого другого в квартире больше не было. Мама приходила с работы, устало садилась на диван и при виде разгромленного жилища, вздохнув, констатировала: «Всё понятно. Опять играли в Ратибора и Оду».

Прошли годы. Я выросла. Неожиданно умер дедушка. Мне казалось, что он вечный. К сожалению, нет. Его уютный двухэтажный дом осиротел и уныло встретил меня своей сырой прохладой апрельского утра. Мне пришлось прожить в нём почти два месяца, пока родители не нашли покупателей. За это время я, наконец, действительно узнала, кем был мой дед. Мой сказитель историй на ночь – огромный человечище! Настоящий русский интеллигент, ученый, мыслитель. Дедуля, слышишь меня? Ты великий! Прости, если я тебя когда-нибудь обидела. Почему? Почему? Почему мы нико-

гда не воздаем ближним то, чего они заслуживают. Почему так бездумно и легко наша жизнь проходит мимо их жизни. Ведь не только они созданы для нас. Но и мы для них. Прости, дед. Прости! Ну, всё..., прочь эмоции.

Главной мебелью в его доме являлись книжные полки и большой письменный стол в рабочем кабинете. Всё это было забито книгами, энциклопедиями, словарями и какими-то старинными потёртыми от времени фолиантами. Дедушка был историком по образованию, который в расцвете творческих сил из-за какого-то крупного скандала ушел из академической науки. Но его стремление познать истину на этом не иссякло. Мы вывезли 19 картонных коробок, в которые я упаковала его рукописи. Но речь не об этом. В закутке кабинета я обнаружила то, о чем хочу рассказать. Там стояла старая фанерная посылка ещё советского образца, на которой выцветшим от времени фломастером было написано: «Дощечки с чертами и резами балтийских славян». Для меня этот случайный набор малознакомых слов ни о чём не говорил и никаким образом не привлекал внимание. Но ниже была сделана рефлексорная по отношению к моей памяти детства дописка: «Ратибор и Ода». Самих дощечек я в ней не обнаружила, но там лежали их выцветшие от времени фотографии и тексты, выполненные рукой моего деда. В пояснительной записке, обнаруженной мной тут же, было сказано, что сами дощечки и остатки истлевших рукописей Василия Татищева, пытавшегося расшифровать текст «чертов и

резов», были отправлены в Академию наук. Все оригиналы были обнаружены в результате археологической экспедиции 1988 года, которой руководил мой дедушка Василий Александрович Бережецкий. Эти дощечки и тексты Татищева были найдены в родовом имении первого русского историка в подмосковном Болдино, в тайнике полуразрушенной Христо-Рождественской церкви, на погосте которой он и похоронен. Дед предполагал, что эти бесценные артефакты замуровали в стену церкви по распоряжению самого Татищева. Как известно, этот знаменитый историк, сподвижник Петра Великого, полководец и промышленник был в опале во времена всемогущего Бирона. Гонения продолжились и при императрице Елизавете Петровне. Василий Никитич был бессрочно сослан в Болдино¹, где через день после своей реабилитации в 1750 году умер. Вот так. Вечная история. Во все времена власть предрержащих любит только карманных историков. А настоящие, в лучшем случае, гниют в ссылке. Из-за всех этих перипетий и гонений в любой момент у Татищева все его рукописи могли конфисковать. Тем более, что дощечки были изготовлены в языческую эпоху и письмена на них представляли собой весьма подозрительную руническую тайнопись.

Дед смог прочитать полуистлевшие работы Татищева, из которых узнал, каким образом эти дощечки попали к нему. Во время учебы в Германии в 1712-1716 годах Василий Ни-

---

¹ Усадьба В.Н. Татищева в Подмосковьё

китич познакомился с Яковом, сыном купца из Шлезвига² по фамилии Вирхов, который ему и поведал об этих дощечках, являющихся семейной реликвией с незапамятных времён. Уже тогда молодой Татищев предложил за них хорошие деньги. Но отец Якова до самой своей смерти отказывался от продажи. И всё-таки Василий Никитич сумел стать счастливым обладателем этой старины. Дед назвал содержание буквых дощечек «Хедебю сагой» по названию города, который в древности был главным в Шлезвиге. За свою жизнь Татищев, по свидетельству его современников, собрал огромную коллекцию старинных книг и манускриптов, в том числе древнегреческих и римских. Но сразу после его похорон усадьба Болдино со всем этим сказочным богатством сторела дотла. Некоторые современные исследователи даже подозревают в этом злой умысел. Если бы дощечки не были замурованы в стену церкви – их, несомненно, ждала бы та же участь.

Далее в ящике лежали переводы текстов с этих дощечек, сделанные рукой моего деда. Прочитав их, я неожиданно громко вскрикнула: «Боже мой!» Озадаченные дураки, как известно, чешут затылок, умные трут лоб. Я поскребла голову в точке, равноудалённой от этих показательных центров уровня «айкью». Фантастика! Так значит это не сказка?! Недолгие поиски в интернете выдали результат. Это было! Скандинавским сагам история любви Оды и Ратибора

---

² Историческая область на севере Европы. Ныне поделена между Данией и Германией

хорошо известна. Только герои «дедушкиной сказки» названы в них Ауд и Радбард.

История их любви меня так впечатлила, что я уже не могла успокоиться и забыть про неё. У меня появилась навязчивая идея, каким-то образом рассказать о ней. Не только подругам и подписчикам в фейсбуке, а всем. Но как это сделать? Как известно, рукописи не горят. Но профилактика никому никогда не мешала. И я решила, что лучшим средством профилактики от уничтожения в пожаре, является публикация.

Долго и мучительно я сводила воедино сведения саг и перевод дощечек, сделанный моим дедом. Надеюсь, вы не будете корить меня за косноязычие и стиль. Сюжет не мой, а я лишь переводчик древних текстов на современный русский лад.

Предыстория

«...Ивар Широкие Объятья подчинил себе всю Швецию. Он также подчинил Данию, Курланд, Саксaland, Эйтланд и все восточные страны до Гардарики. Он правил и на западе Германии, а также завоевал часть Англии, что называется Нортумбрией». Сага о Хервёр и Хейдрике

Почуяв падаль, слетались тучи воронья. И коршуны кружили высоко, пронзая чёрный дым. Всё в пепел превращал огонь: дома, усадьбы, храмы и конюшни. Визжа, неслась горящая свинья, и тучи серых крыс из города бежали. Ещё слышны звон стали, лязг кольчуги и стук щитов. Но постепенно звуки эти утопали в рыданиях жён, в стенаниях раненых, в последнем крике смерти. Детский плач сливался в жуткий унисон с воем несчастных женщин, которых брали правом силы воины Ивара. Всё превращалось в прах: шум ярмарок, веселье свадеб, звон кузниц, гомон играющих на улице детей. В дым улетучилось величие Старигарда³. Как символ этого упадка горели идолы у пылающего храма. Их глаза сквозь языки огня с укором смотрели на Ивара. Но это вызывало лишь усмешку на губах конунга. Его распирало возбуждение. Он был просто счастлив. Его, Ивара, армия

---

³ Ныне Ольденбург-ин-Хольштайн, полуостров Вагрия, Германия

с ходу взяла столицу вагров⁴. Вагров! Столетиями никто не мог предположить такого даже в сильно пьяном виде. Это вагры повсюду утверждали свою силу. Это ими пугали матери детей. Но теперь их слава в прошлом. Потому что есть армия, которую создал он, Ивар Широкие Объятья. Сбылось! В жизни мига лучше не бывает, чем миг, когда сбываются мечты.

Конунг взял у дружинника лук со стрелой и попал ей в центральный лоб горящего Триглава⁵. Стрела, дребезжа, воткнулась в истукана и тут же вспыхнула. Мимо конунга и его верных ярлов промчался гнедой конь с горящей гривой. Он на всём скаку разметал толпу бондов⁶, которые уже отовсюду вели пленных, тащили сундуки и мешки с награбленным добром. Блики кострищ отражались в лике Одина⁷ на позолоченном панцире Ивара. Руны вокруг лика прямо говорили: Один отдал Землю в правление Ивару. Такой же лик бога колыхался на треугольном стяге, который держали крепкие руки знаменосца.

Конунг, не смотря на то, что всю жизнь провёл в боях, не потерял присущего хищнику возбуждения при виде крови. Но это была особая победа. Ивара буквально распирала эй-

---

⁴ Западнославянское племя на северо-западе Европы

⁵ Бог балтийских славян, трёхголовый идол

⁶ Незнатный землевладелец в Скандинавии

⁷ Верховный бог германцев, предводитель асов – составлявший пантеон богов древних скандинавов

фория счастья от одного вида поверженного Старигарда.

К конунгу на взмыленном коне примчался Бальдр, его правая рука. Подняв лошадь натянутыми удилами на дыбы, он бросил к ногам конунга в чёрную от сажи пыль символ окончательной победы. Это была человеческая голова без бороды и с выбритым затылком.

– Всё кончено! Князь вагров у твоих ног.

Конунг, молча, снял шлем и отдал его стоявшему рядом воину. Затем он небрежно ногой перевернул голову лицом вверх и пробормотал негромко:

– Да, славный был воин. Много крови пролил по берегам известных мне морей.

Седой Хёрд, наставник Ивара с самого рождения, хлопнул его по плечу:

– В «Сагу королей» вписал ты новую строку: «Великий Ивар убил столь ненавистного всем Скиру».

Между тем риксярл⁸ Бальдр протянул конунгу меч Скиры. Ивар взял в руки длинный двуручный меч и стал рассматривать лезвие, рукоять и перекрестие, украшенные драгоценными камнями и витиеватой инкрустацией.

Хёрд заметил:

– Меч Скиры по преданию верингов⁹ принадлежал ещё Вилькину¹⁰, встречи с которым боялся римский царь по име-

---

⁸ Верховный ярл

⁹ Так скандинавы называли варягов

¹⁰ Согласно «Тидрек саги» основатель огромной державы к северу от Римской

ни Аврелий.

Ивар усмехнулся и посмотрел на Хёрда. Тот осёкся:

– Так венды¹¹ говорят.

Конунг взял меч в две руки и помахал им в воздухе:

– Хороший меч. Почти, как волшебный меч Тюрфинг, добытый Арнгримом¹² у конунга Гардарики. Но не удобен он. Мой разит быстрее.

Бальдр заметил:

– Скира им убил Бьялди, Тейта и Свейна. А Альвара лишь ранил, шлем ему сломав.

Ивар передал меч Хёрду и сказал:

– Проследи, старик, чтобы этот меч попал на Стену Славы.

Викинги наслаждались разбоем. Куда не бросишь взгляд – кругом насилие, трупы, хаос. Посреди вечерней площади рядом с могучим дубом воины сгружали богатство княжеской казны. Они вскрывали сундуки, сбивая замки ударами острых мечей, и вываливали содержимое прямо на землю. Ивар со свитой подошёл к этому месту. Королевский казначей доложил конунгу о добыче:

– Два больших сундука золотых кубков и посуды, материи румской¹³ тридцать свёртков, семь сундуков с кунами. Это

империи

¹¹ Традиционное название славян у скандинавов и многих других европейских народов

¹² Знаменитый берсерк, викинг, который по преданию жил за 9 поколений до Ивара Широкие Объятья

¹³ Традиционное название Византии у многих народов Средневековья

шкурки куниц и белок с печатью князя – деньги вендов. Есть также сундук, набитый серебром и золотом. Ещё, мой конунг, сотни шкур бобров, лисиц и соболей. Два сундука с пурпуром, который не найдёшь у румского царя, того, что в Геллеспонтe властвует над миром. И даже чинский шёлк. Кроме того – изделия из бивней мохнатого слона. Украшений женских несчётно. Всё сберегу, учту и запишу. Всё как всегда: треть конунгу, треть воинам, треть храмам.

Ивар подошёл к сундуку с пурпуром и, поддев торчавший кусок кончиком меча, выдернул его на свет:

– Да. Богато жили вагры, – и добавил. – До этих пор. Теперь всё наше.

Бальдр указал на воинов, тащивших трёх длиннобородых стариков в белых до пят рубахах:

– Вот и наш герой, сразивший Скиру!

Впереди процессии шёл ярл Рейдгауталанда¹⁴ Альвар. Он был без шлема и с высохшей кровью на лице.

Старый Хёрд пояснил:

– Это их волхвы. Трижды в год они предсказывают судьбы народа и правителей. Каким будет урожай, и будет ли война.

Ивар заметил:

– Судя по тому, что мы застали их врасплох, они всем врут.

Ещё два викинга подвели к конунгу великолепного коня очень редкой белорождённой масти с ухоженной пышной

---

¹⁴ Историческая область в Швеции

гривой и таким же хвостом.

Мудрый Хёрд снова пояснил:

– Это священный конь. Его копытами волхвы определяют жребий судьбы. Отсюда его название – «жеребец». Воины склонно расставляют копыя, а ведуны запускают жеребца. Волхвы следят: какой ногой, и в какой последовательности он перешагнёт все эти копыя. На основании этого они составляют свой прогноз будущих событий.

Ивар ухмыльнулся:

– Ну, что за глупость? Просто людям головы дурят. Обманщиков всех этих – сжечь! Если они прорицатели, то должны быть к этому готовы. А если нет – туда им и дорога. Впрочем, это для них честь. Сгорев в костре, они, возможно, попадут на небо.

Воины схватили волхвов и потащили на костёр. Старики совсем не сопротивлялись. Их длинные седые бороды и волосы полоскались на ветру.

Альвар спросил:

– Что делать с жеребцом? Сдаётся мне, не годен он не в службе, не в работе.

Ивар повернулся к нему и согласился:

– Я думаю – ты прав. Для нас в нём только красота. Но держать ради красоты священного коня нечистой веры? Нас наши боги не поймут. Умилостивим их жертвою его. Ты помнишь этот обряд священный?

– Да, во славу Одины коня с обрыва сбросим в море.

– Запомни, ты за жертву отвечаешь.

Воины принесли два сундука и открыли их пред строгим взором конунга.

– Что в сундуках?

Харальд, ярл Сканий, пояснил:

– Их письмена, что вырезали на дереве их ведуны.

Ивар взял из ящика одну дощечку:

– Я знаю, что здесь. Рассказывал мне мой скальд Варун, что в Старигарде хранятся все предания вендов от потопа до сего дня, и вырезаны они на буковых дощечках.

Харальд спросил:

– Куда весь этот хлам? Нет места на корме. Всё забито золотом и пурпуром.

– Варун, конечно, обидится, но прикажу всё сжечь. Зачем нам вагров старина? Они кичатся тем, что их вожди не раз крушили Рим. Что в Старигарде правят потомки Столпосвята, который нам по сагам известен, как Озантрикс¹⁵. Что Гертнит, который звался Одоакром¹⁶, приходится ему племянником, и не иначе. Но и подобные слезливые преданья о былой славе не греют душу. Что с тех преданий? Важнее слава, добытая сегодня и сейчас. Ты ею можешь насладиться в полной мере. А прошлое..., былё для плачущих жено-

---

¹⁵ Согласно «Тидрек саги» сын Гертнита (Яровита), правителя Русиланада, погиб в борьбе с Аттилой

¹⁶ Последний правитель Западной Римской империи, согласно скандинавским сагам племянник Озантрикса

подобных старцев. Сожги всё это Харальд. Потомки всё равно забудут их героев. Да и герои ли они? Нет, не герои, раз я стою здесь и убиваю их потомков, сжигаю старину и превращаю женщин их в рабынь. Вагры не достойны своих преданий о подвигах героев прошлого. Они жалки и трусливы, чтобы я позволил им петь песни о Вилькине, о Гертните или Вальдемаре¹⁷, который был убит по приказу Атли¹⁸. Жги, не жалей. Наши скальды напишут новые песни и уже о нас, о наших подвигах, что сокрушили вагров.

Верный риксярл Бальдр, с которым Ивар ещё в детстве сражался деревянными мечами, притащил за шиворот совсем дряхлого старика, борода которого тащилась по пыльной вечерней площади. Сильной рукой верховный ярл поставил старика на колени перед конунгом.

– Ивар, это Богомысл, их главный предсказатель. Ему сто лет. Так венды говорят. Он ведаёт не только виды на урожай и исход войны, но и судьбы всех людей.

– Такой же шарлатан. В костёр его. Хотя, постой. Проверю я, пожалуй, силу его чар и дар предвидения, – он подошёл к волхву вплотную: – Скажи чародей, как звать тебя мне?

Старик откашлялся и поднял тусклый взгляд старых глаз на победителя:

– Зови меня Судьба.

– Судьба? С таким-то именем ты дожил до преклонных

---

¹⁷ Согласно «Тидрек-саги» сын Гертнита, брат Озантрикса

¹⁸ Гуннский правитель Аттила

лет. То правду говорят?

– Какую правду? Есть много мнений, но правда лишь одна.

– Вот дерзкий старикан! Меня ты забавляешь. Но у меня, да будет слава всем богам, сегодня праздник. Его ты не испортишь. Я клюв ворона, что по велению Одина прилетает к вражеским полям. И выклевал сегодня я у вендов правый глаз.

– И что из этого? Судьбу не изменить.

– Судьбу? Я верю только в путь, начертанный рукою бога. Сам Один мне посылает знаки. Я с детства знал, что стану воином великим и под моим мечом склонятся все народы Севера.

– Спорить я не буду. Удача от тебя не отвернулась до сих пор. Но удача, не во власти Белобога¹⁹, что пишет судьбы каждого. Удача ветреный ребёнок Чернобога. Она черна, паскудна и неожиданно уходит тогда, когда удача более всего необходима. Полагаться на неё может только легкомысленный чужак.

– Как смеешь ты ничтожный чародей, что красоваться лишь достоин в роли пугала на ниве, касаться языком удачи Ивара, которому её вручил сам Один, – не удержался Бальдр. – Позволь мне, конунг, я его к товарищам отправлю в путь загробный.

– Нет, постой. Пусть говорит. Так значит, удача отвернёт-

---

¹⁹ Как и Чернобог – один из богов балтийских славян

ся от меня?

– Удача? Все мы смертны. И все увидим спину ветреной девицы Чернобога. Но причём она, если ты спрашивал о своей судьбе? Ещё не испугался услышать правду?

– Мой конунг, один лишь взмах моего меча – и голова с поганым языком покатится под гору легко и просто. Поставим точку на его судьбе.

– Нет, мой верный Бальдр. Меня заинтриговал забавный древний дед. Пусть скажет. Вместе посмеёмся. И что ты видишь Богомысл? Что ждёт меня сегодня, и отчего умру я? Может, бросишь кости на гадание?

– Зачем мне кости? Я и так всё вижу. Задал мне Ивар ты всего лишь два вопроса. Что ждет тебя сегодня, и как закончишь дни свои. Что ж, отвечу. Сегодня ждёт тебя приятное известие.

– Какое? День уже клонится ко сну. Мы взяли Старигард. Что может быть ещё приятней? Ты торгуешь уже прокисшим предсказанием?

– Нет. Гибель сотен вендов я не назову приятной вестью. Здесь другое. Какое? Сам узнаешь вскоре. Оно порадует тебя.

– Не верю я тебе. Старый ты болтун. Плетёшь всё то, что мимоходом в голову к тебе приходит.

– Проверишь вскоре: прав был я – или не прав. Едва угаснет солнце, как ты узнаешь это.

– Ну, хорошо, старик, а от чего умру я? Тоже знаешь?

- Конечно, знаю. Но сказать могу об этом лишь тебе наедине. Если ты не передумал.
- Какие могут быть у нас с тобой тайны от верных соратников моих? Говори, или навсегда умолкни!
- Ты сам хотел, а я предупреждал. Узнав судьбу, изменишься навеки. И будешь ты совсем другим.
- Каким?
- Знать свою судьбу – самый тяжкий груз для человека. Ещё не передумал?
- Кто? Я? Тот, кто сотни раз заглядывал в пасть смерти? Друзей своих неоднократно я отправлял в последний путь в драккаре²⁰ Одина. Я смерти не боюсь. В лицо её смотрю без содроганий. Давай, уж, говори! Накрыт победный стол и налит вендский мёд в бокалы князя вагров. Ждут меня мои верные друзья и храбрая дружина. Говори, старик! Погибну я в бою?
- Ты сам хотел, простят меня пусть наши боги. Скажу судьбы твоей венец, хотя мне говорить нельзя об этом. Вижу войско твоих викингов²¹, и ты пред ними с седыми волосами и такой же бородой.
- Но кто напротив? Неужели веринги Виндланда²²? – засмеялся Ивар.

---

²⁰ Боевое судно скандинавов

²¹ Как и вендские веринги – религиозное воинство у языческих народов Северной Европы

²² Обобщённое название земель балтийских славян

– Да, есть в войске, что стоит против тебя и венды, и фризы, и варяги с острова Руян. Но сражения не будет. Решит твою судьбу рука того, кто дорог был тебе.

– Моего друга?

– Нет. Того, кому ты жизнь дал семенем своим.

– Рука сына?

– Вот это не скажу. То уже судьба другого человека. Его здесь нет, и без его согласия не имею права назвать я имя.

– Что за глупый вздор?

– Мой конунг, сдаётся мне, что он хитрит, моля пощаду. Вот и несёт всё, что на язык попало. Лишь бы продлить мерзкую, ничтожную, жалкую старческую жизнь. Дай я заставлю замолчать это коровье ботало, что во рту его трясётся.

Старик склонил голову и спокойно произнёс:

– Судьбу свою я знаю. До захода солнца умру я от меча того, кто носит имя бога готов.

– Бальдр, он считает, что это ты его отправишь в царство мёртвых Хельхельм. Ты же носишь имя сына Одина.

– Готов исполнить старика я предсказание.

– Нет. Пусть его погрузят на драккар. Скажи, чтобы никто его не трогал даже пальцем. И таким образом я разоблачу его обманчивые речи о моей судьбе. Если утром он будет жив, его мы бросим в море, на съедение водным тварям, что не гнушаются даже таким истлевшим телом.

Так порешив, отправился король со свитой праздновать победу.

Воздав хвалу богам, скандинавы сбросили со скалы вагирского коня, засунув его голову в мешок и стреножив ему ноги. Потом пошли на пир. Лилось рекой густое пиво и хмельной мёд вагров, настоянный на травах и цветах в подвалах Старигарда. Поминали павших, героев имя называя строчкой песни. Для воина нет ничего приятней и душевней, чем спеть застольную с соратниками по победе. В последних лучах солнца к берегу пристал корабль. Стражник доложил:

– Конунг, прибыл из Уппланда²³ человек с вестями.

Когда гонец пришёл, то сразу возвестил:

– Великий конунг, в твоей семье, восславим Фрейю, случилось прибавление. Родилась дочь.

– Что ж – это приятное известие. Каждый год у меня рождались только сыновья. Их теперь двенадцать. Поэтому рождение дочери – прекраснейшая новость.

Все стали праздновать это событие, поздравляя конунга с рождением первой дочки. Тот в ответ поднял бокал:

– Сегодня один из счастливейших дней моей жизни. Мы победили вагров, во славу Одина. И родилась дочь. Назову её я Одой – в честь величайшего из богов, что дарит мне победы.

Когда все стали петь песни, вспоминая родину, Бальдр сказал Ивару:

– Волхв не наврал. Сбылось его предсказание. Сегодня на

---

²³ «Верхняя земля» – историческая провинция в Швеции к северу от современного Стокгольма

закате солнца ты получил счастливое известие.

– О! Я и забыл совсем о мерзком старикашке. Скажи, чтобы привели его сюда. Хочу спросить его об этом. Знал ли он о рождении ребёнка?

Когда посыльный вернулся, то рассказал конунгу:

– Колдун скончался.

– Своей смертью? Наврал про готский меч проклятый лгун.

– Нет. Умер он не сам. Его заколол твой воин. Увидел он на шее колдуна искусный амулет из благородного металла. Но заупрямился старик, не захотев расстаться с оберегом. За жадность поплатился венд. Чем меньше вендов, тем радостней всем готам²⁴.

– Кто заколол его? – конунг не смог скрыть смятение на своём лице.

– Воин из Селунда²⁵ по имени Хермод.

– Так звали бога, того, что Один послал в царство мёртвых спасти своего сына Бальдра. Сбылось второе предсказание колдуна. Его убил готским мечом тот, кто носит имя бога.

Быстро потух закат – багровый, словно кровь. Его закрыли тучи. Это тучи дыма, разрушенного Старигарда.

***

На следующий день Ивар проснулся непривычно мрач-

---

²⁴ Предки шведов, датчан и норвежцев

²⁵ Так в сагах называется остров Зеландия, на котором ныне расположена столица Дании Копенгаген

НЫМ.

Конунг, молча, обошёл трофеи. Подержал в руках двуручный меч веринга и бросил его в большую кучу доспехов, копий и кинжалов. Промолвил тихо он при этом:

– Не помогли ваграм длинные мечи, что они носят за спиной. А их круглые щиты гораздо хуже наших длинных.

После этого конунг оглядел горы сказочных богатств, которые в нём не вызвали никаких эмоций. Он распорядился выделить долю, чтобы разделить её здесь же среди ярлов²⁶, херсиров²⁷, берсерков²⁸ и простых бондов. Остальное он приказал грузить на корабли, чтобы уже в Швеции отдать обещанное храмам Одина, Тора и Фрейра²⁹, а также семьям героев, погибших здесь.

Затем конунг подошёл к бондам, которые сооружали погребальные костры. Они складывали тела павших воинов на бревно, сверху снова бревно и опять тела. Получались огромные пирамиды.

Бредущий следом Бальдр сказал:

---

²⁶ То же, что у славян «боярин»

²⁷ Буквально «латник» – низшее дворянское сословие воинов, средневековый «рыцарь» у скандинавов

²⁸ Религиозный воин скандинавов, посвятивший свою жизнь войне ради религии. В берсерки брали малолетних сирот и рабов и обучали их с детства воинскому искусству при храмах. Такой же институт «неистовых воинов» существовал и у других народов. В частности, у славян. В «Слове о полку Игореве» автор упоминает древних воинов, которые «...без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звеня прадедней славой...»

²⁹ Главные боги скандинавов

– Веринги – сильные воины. Их непросто победить. Кровавая досталась нам победа. Большое в небесном воинстве будет пополнение.

– Погибли в битве все они. Теперь они эйнхери³⁰ в Вальхалле, где пьют священный мёд, закусывая его мясом вопреки Сехримнира.

– Что мрачен ты, бесстрашный конунг? Неужели тебя не радует вид этих всех богатств и Старигарда пепелище?

– Приснился сон мне.

– Позвать мне старого и мудрого Бура, что лучше всех толкует сны?

– Не надо. И так понятно всё.

– Что понятно?

– Сбылось два пророчества. У меня родилась дочь, и сам колдун умер от меча, того, кто носит имя бога. Теперь мне придётся весь остаток жизни ждать его отмщения.

– Наврал проклятый волхв.

– Нет, не наврал. И сон мой это подтвердил.

– Ты видел смерть свою?

– Да. Во сне я старым был, когда меня убили.

– Убийца кто?

– Этого не знаю. Я видел только меч.

– Такой? – Бальдр пнул кучу вендельских мечей.

---

³⁰ В скандинавской мифологии лучшие из воинов, павшие в битвах. После сожжения в погребальных кострах их души возносятся в небесный Асгард (город богов), где обитают в Вальхалле

– Нет. Наш, короткий. А может длинный нож, который «саксом» называют.

– Убийца кто? Подкупленный слуга или страж у твоего шатра?

– Убийцы не видел я лица, но думаю, что прав ведун. Это мой отпрыск.

– Почему ты так решил?

– Руку я не видел.

– Это плохо.

– Нет. Не дала бы эта мне рука особых подозрений на кого-то. У меня двенадцать сыновей. Но старшему всего тринадцать зим. Через много лет их руки станут не такими, как сейчас. И мне их не узнать. Но меч или клинок явно держала королевская рука.

– Я ничего не понял, Ивар. В чём логика?

– Меч был очень дорогим. Украшены его рукоять и гарда³¹ финифтью и камнями, достойными лишь конунга. Его могла держать рука сына моего. Но только вот какого?

– Вспомни. Там были руны?

– Была там гравировка с узорами и рунами на рукояти и на лезвии клинка.

– По ним ты узнаешь имя своего убийцы.

– В том-то и дело. Сон оборвался в тот самый миг, когда хотел я их прочесть. Теперь мне мучиться навеки.

– Ивар! Ты великий воин. Удачу, отвагу и силу тебе пода-

---

³¹ Крестовина холодного оружия, отделяющая рукоять от лезвия

рили боги. Забудь про сон. Забудь про волхва и его бредни. Нам предстоят великие дела. Твои завоевания лишь в зачатке. Не стоит унывать, когда вчера мы победили вагров. Тех самых вагров, которыми детей пугают в наших семьях. Так прочь унынье! Всё пройдёт, всё сгинет!

В это время ярл Сигурд со своими воинами, притащил за волосы молодую женщину и мальчишку.

Сигурд, запыхавшись, доложил:

– Мой конунг, это Висна, жена Скиры, как зовут его у нас. Вернее, звали до вчерашней битвы.

– Где вы её нашли?

– По дороге к морю есть озеро большое. Там в камышах была она с ребёнком и десять витязей при ней. Видимо, ночью их должен был забрать корабль. Но, к счастью нашему, он не пришёл.

Стоявший рядом с конунгом Хёрд заметил:

– Наше счастье зависит только от нас самих: от силы наших рук и мужества. Не приплыл он – к их несчастью.

Но Сигурд возразил на это:

– Сын Скиры мог вырасти с жадной мщеницей в своём сердце. Зачем нам такое «счастье»? Конунг, прикажешь их убить?

Ивар подошёл вплотную к Висне:

– Красивые женщины у вендов. Тебя не испортило рождение ребёнка. Ты просто жемчужина в любой короне.

Он протянул руку, чтобы коснуться её лица. Но женщина

сразу плюнула в ответ.

– Да ты дикарка! – конунг вытер лицо своей крепкой ладонью и рванул на Висне сарафан, обнажив её левую грудь: – Пусть порезвятся воины. Они привыкли дикарок объезжать. Сигурд, делай с ней всё, что захочешь. Только не оставляй в живых.

– И мальчишку?

– И его.

Висна неожиданно резко метнулась в сторону конунга, и в руке у неё блеснул маленький изящный кинжал.

Но Ивар успел перехватить её удар:

– Зря стараешься. Не суждено мне умереть сегодня. Ваш старик-колдун напроорочил, что доживу я до седых усов. Сигурд, убери эту вендскую кошку с моих глаз.

Два воина сделали шаг вперёд, чтобы схватить Висну. Но она неожиданным резким движением вырвалась из мощной хватки Ивара и полоснула кинжалом по горлу одного из воинов, а второму воткнула клинок прямо в глаз. В следующее мгновение голова её покатилась по земле.

Конунг вытер кровь со своего меча о штаны одного из мёртвых воинов и проворчал:

– Всё приходится делать самому.

Но неожиданно в тот самый миг его атаковал малец, которому отроду явно ещё не было и пяти вёсен.

С яростным криком, скрежеща зубами, он ловко прыгнул на грудь конунга, пытаясь прокусить ему шею.

На помощь Ивару подоспели Сигурд и Бальдр. Они оттащили мальчишку от конунга, которого тот успел исцарапать и покусать.

Сигурд вытащил меч и снова обратился к конунгу:

– Убить этого волчонка?

Ивар даже повеселел:

– Нет. Поступим по-другому. Вот если бы малец заплакал и намочил штаны, тогда его можно было и утопить. А так он показал свой нрав бойцовский. Из него выйдет храбрый воин. Бальдр, ты прекрасный учитель. В твоей школе берсерков найдётся место для него?

– Ты как всегда поступаешь мудро. Я его выучу. Он забудет родителей, язык и родину свою. Не сомневайся, лет через пятнадцать, он будет лучшим. Повсюду венды будут плакать, поминая тех, кого убьёт его рука.

– Чтобы нам помнить, кто он, назови его своим именем.

– Я так и сделаю.

Конунг нагнулся и поднял кинжал княгини:

– Рукоять меча из сновидения чем-то похожа на эту. Вот только нет на ней тех рун. Да и не будет воин держать такой клинок в руке. Для настоящего мужчины он хрупок и слишком уж красив. Кинжал такой – для женщины забава.

И он протянул оружие Бальдру:

– В храм Уппсалы³² отдай.

Утром следующего дня, нагрузив драккары до предела,

---

³² Столица древней Швеции

флот викингов отправился домой.

***

На серебряной крыше небесного чертога в Асгарде³³ сидели мудрый Хугин и памятливый Мунин – вороны Одина, которые докладывали ему всё, что происходит на Земле. Сейчас они смотрели вниз и следили за развитием сюжета этой саги. Хугин Мунина спросил:

– Скажи, что чаще берёт вверх у человека: страх умереть от руки собственного чада, или отцовская любовь?

– За всех людей не скажу, но у конунгов чаще побеждает страх потерять свой трон. Он сильнее даже страха смерти.

---

³³ Небесный город богов-асов

Часть первая

«У конунга Ивара Широкие Объятья была дочь по имени Ода. Была она красива и статна. Все ярлы и конунги мечтали сделать её своей женой. Ода была умна и добра к людям. Поэтому её прозвали Ода Богатая Добром, и Ода Премудрая». Хедебю сага. В расшифровке В.А. Бережецкого

Глава 1

С той поры прошло пятнадцать зим. Конунг Ивар за это время сильно изменился. И дело не в седине, шрамах и морщинах. Он стал груб, мрачен и жесток. Сыновей своих конунг откровенно не любил. Да и остался к этому времени в живых только один Хрольв, самый младший из детей мужского пола. Как только очередному сыну исполнялось шестнадцать лет, Ивар сразу брал его в поход. Там, без терзаний и сомнений, кидал он чадо в пекло, в центр сражений. Все сыновья погибли, так и не успев жениться. Жену свою Рагнхильд конунг невзлюбил всех больше, виня её во всем, не выясняя правды. Униженная королева до самой смерти ни разу больше не слышала в свой адрес добрых слов. Ивар называл её лишь «сучкой, плодящей выроdkов», и ни как иначе. Вместо ласки, бедная женщина получала лишь тумачи, познав в полной мере жестокость его рук. Он бил её при каждой встрече. Особенно после того, как у неё вновь стал нарастать животик. Муж не желал приплода в своей семье и бил жену нещадно, часто сапогами. Она скончалась от внутренних кровотечений.

Только к Оде конунг относился, как ласковый отец, отдавая ей всю свою любовь, на которую он был способен. Дочка быстро выросла и превратилась в красавицу с густыми волосами, чёрными, как смоль, с загадочными бирюзовыми гла-

зами, что бывает редко у брюнеток, и губами, алыми, как мак. Стройный стан и грудь под стать ему указывали всем, что она стала уже невестой, о которой могут только лишь мечтать все на свете принцы. Ивар одаривал дочь подарками, окружал её учителями и заваливал прочими атрибутами любви. Девушка не знала в своей жизни ни забот, ни хлопот. Тем не менее, характер у неё сложился добрый и ласковый ко всем людям, которые попадались на её коротком жизненном пути. Именно поэтому народ прозвал её Одой Премудрой или Одой Богатой. Богатой на доброту и участие.

Единственно, что продолжал Ивар Широкие Объятья любить смолоду – это военные походы. В них он ходил по каждому удобному случаю, выплескивая там всю свою звериную злобу, беспощадность и жажду крови. Домой его не тянуло, и он проводил в походах большую часть своей жизни. После взятия Старигарда его крепкая рука разорила многие города и крепости по берегам Вендского моря, но не только. Теперь власть Ивара признавали князья и правители всей Дании, Швеции, Селунда, Сканий³⁴, Ютландии, Вагрии, Фризии, Ливонии, а также центральной части Британии, называемой Нордумбраландом.

---

³⁴ Историческая провинция на Скандинавском полуострове, расположенная на другом берегу пролива от острова Зеландия (Селунда)

Глава 2

Вот и на этот раз он собрал флот из трёхсот драккаров и скейдов³⁵ и отправился в Туманный Альбион. Там, незадолго до этого, в битве с пиктами погиб король Эгффрид³⁶, признававший себя вассалом Ивара и исправно плативший скандинавскому конунгу дань. Новый король Нордумбраланда Альдфрит³⁷ отказался от старых обязательств. Эта дерзость привела Ивара в исступление и ярость.

В утреннем тумане драккары викингов тихо вошли в устье реки Тайн³⁸. Здесь стояла старинная крепость Ярров – крайняя точка грандиозной римской оборонительной стены, известной как вал Адриана. Корабли дружно причалили с трёх сторон крепости, омываемой водами Тайны. Воины с ходу бросились на её приступ. Защитники Яррова не успели даже занять свои места на стенах, как исход битвы был уже предрешён. Используя верёвки с крючками на концах и шесты, составленные из длинных копий, викинги взобрались на стены сразу в нескольких местах. Закипела короткая, но жестокая сеча, больше похожая на резню неопытных младенцев. Одновременно с этим приступом отряды херсиров

---

³⁵ Тип военного корабля у викингов

³⁶ Король Нортумбрии (Нордумбраланда), правил в 670 – 685 годах

³⁷ Король Нортумбрии, правил в 685 – 705 годах

³⁸ Река в Англии, в устье этой реки ныне расположен город Ньюкасл

и одетых в звериные шкуры бондов разбежались по округе, с ходу врываясь в деревни и хутора, уничтожая всё на своём пути. Британцы при виде норманнов нестройными толпами с шумом и криками бросались наутёк, спасая свою жизнь и жизнь своих детей. Но лишь немногие успели скрыться. За день норманны очистили всю территорию на много миль вглубь острова. Вместо присущей людям суеты здесь осталась только тишина, наполненная бездыханными телами и следами разнузданного грабежа. Вечером, навьюченные до предела трофеями, ручейки трудолюбивых бондов возвращались к кораблям. Нетронутыми оставались только каменные крепости Двойного монастыря, стоявшие на расстоянии прямой видимости друг от друга. Их скандинавы окружили, но не рискнули атаковать сходу. Один монастырь³⁹ был рядом с крепостью Ярров, другой⁴⁰ на высоком берегу реки Уир, что впадает в море, чуть южнее реки Тайн. Всю местность между каменными крепостями викинги выжгли и расчистили от построек и деревьев.

На следующее утро Ивар, стоя на уцелевшей стене крепости Ярров, откуда просматривалась вся окрестность, сказал Бальдру:

– Предали религию отцов, и теперь застраивают свои земли храмами мерзкой веры иудеев. По два монастыря на одном месте строят. Резво, взялись. Рьяно.

---

³⁹ Основан Святым Бенедиктом в 682 году

⁴⁰ Монастырь в Уирмоте основан Святым Бенедиктом в 674 году

Бальдр ответил:

– Во имя Одина мы их сегодня жестоко покараем.

– Вот мой приказ. Крепости иудейской веры сжечь! Пленных не брать! Всё сравнять с землёй, как было раньше.

Конунг с воеводой спустились со стены и сели на подвешенных к ним коней.

– К бою! – громко крикнул Ивар.

Как волка, увидевшего жертву, его трясло от предвкушения крови. Глаза сверкали, губы тронула улыбка, не предвещавшая пощады для врага.

Тут же правее всадников возник знаменосец, державший в руках флаг с расправившим крылья черным вороном на конце древка. Три мощных викинга ударили в боевые барабаны. Отовсюду сразу стали стекаться воины, отыскивая отряды своих ярлов и херсиров.

– К бою! – крикнул Бальдр.

Знамя его полка украшал хищно разинувший пасть дракон. Рыжий малый в рогатом шлеме затрубил в медный рог викингов, который был немногим его меньше по размеру.

Воины Бальдра отличались от воинов полка конунга. У Бальдра было гораздо меньше латников-херсиров и копейщиков, вооруженных длинными тяжелыми копьями. Зато его полк возглавляли три десятка берсерков, вооружённых длинными ножами, называемыми скрамасаксами. Берсерки страшно выли, в едином ритме стуча себя в грудь кулаком. Их тела с ног до головы были покрыты боевой краской. Грудь

берсерков украшала татуировка в виде дракона, державшего в каждой лапе по мечу.

Ивар крикнул товарищу:

– Ну что, Бальдр! Устроим состязание?

Воевода всё понял. Он прекрасно знал своего друга.

– Я беру эту крепость, – сделал свой выбор учитель берсерков, ткнув мечом в крепость на берегу реки Уир.

– Хорошо. Бери полки Грима, Гейра и Одда. Тебе хватит воинов?

– Конечно, хватит. Я и одним своим полком камня на камне на этом месте не оставлю.

– Не сомневаюсь. Помню, как ты с тремя десятками берсерков стены Конунгахеллы⁴¹ штурмовал. Да, тогда по берегам Ранрикки мы весело прошлись, – Ивар ненадолго предался приятным воспоминаниям, но тут же встрепенулся, вернувшись в действительность: – Хорошо, я возьму полки Хельги, Хрута и Эрлинга.

– Согласен. Пусть нас рассудит старый Хёрд и проследит, кто первым будет.

– Эй! Хёрд! Ты где?

– Я здесь, мой повелитель.

Старый наставник, потрянув седыми косичками, не постарчески ловко вскочил на коня:

– Позволь мне тоже немного порезвиться. Третьей крепо-

---

⁴¹ Крепость на побережье Ранрикки, чуть южнее современной столицы Норвегии Осло

сти здесь нет?

Лошадь конунга энергично топталась на месте. Ивар потрепал её за гриву, пытаясь успокоить. При этом он энергично и громко рассмеялся:

– Всё никак не остынешь! Руки просят боя?

– Хочу увидеть, как застывает страх в глазах пронзённого мечом врага. Что может быть прекрасней?

– Нет, старый воин. Нет для тебя сегодня развлечений. Сегодня ты судья. И нас ты рассуди. По совести, по справедливости и чести.

Бальдр:

– Что ставим на заклад?

– Как всегда поставим долю. Все слышали?

Воины громко хором рявкнули:

– Да!

– Проигравший свою долю добычи победителю отдаст.

– Да!

Хельги, вождь селундцев, подъехал на вороном коне к конунгу и что-то негромко сказал ему. Ивар демонстративно рассмеялся:

– Хельги предлагает, чтобы проигравшие состригли по одной косе. А женщины затем сплетут из них знамя, которое поставим в священном храме Уппсалы в память о сегодняшней победе.

Стричь пряди Одина у викингов считалось позором, поэтому по полкам прокатился громкий шум пересудов.

Конунг поднял правую руку вверх, указывая на принятое решение:

– Я согласен! А вы, воины Одина, согласны?

В ответ пронеслось негромкое и не стройное «да».

– Не слышу?

– Да, – немногим громче прозвучало.

– Что?

– Да!

– Я плохо слышу!

– Да! – взревели полки.

– Теперь услышал. Сигналом к штурму пусть будет барабан Боргара.

Воин в ответ ударил молотком по мембране огромного барабана. Громкий звук встревожил привычных к шуму боя лошадей. Они активно затоптались на месте, а конь Хёрда даже заржал.

Бальдр согласился:

– Да, такой призыв услышат даже те, кто остался в этот раз дома в Уппланде и Сканиях.

Старый Хёрд подвёл итог:

– В споре одержит тот победу, кто первым на воротах крепости своё водрузит знамя.

В знак согласия вожди кивнули головами.

– Всё, выдвигаемся, – Ивар пришпорил своего коня.

Вслед конунгу и знаменосцу двинулись воины, вооруженные длинными тяжелыми копьями, за ними латники, лучники

ки, метатели дротиков, бонды с топорами и далее толпа оруженосцев.

Полки Бальдра отправились в противоположную сторону.

Хёрд сел на барабан, который ему установили на самом высоком холме, в центре равнины, лежащей между крепостями. Глаза старого воина уже не могли видеть даже то, что творилось у него под носом. Поэтому он полагался на доклады двух наблюдателей.

Его оруженосцы Токи и Крокар воткнули в специальные отверстия тяжелых длинных копий поперечные палки, сделав таким образом подставки под ноги. Затем воины подняли эти копья вверх вместе с оседлавшими их оруженосцами. Получилось два наблюдательных поста.

– Токи, как дела у конунга?

Токи, следящий за войском Ивара громко доложил:

– Полки конунга выстроились для атаки!

Старик вздохнул:

– Жаль я не рядом и не услышу, как сталкиваются лбами души павших, столпившись у чертог Вальхаллы. Крокар, что видишь?

– Знамёна подняты! Они готовы к бою!

– Ну, с богом. Боргар, бей!

Старик поднялся, уступив место «громобою». Боргар не заставил себя ждать и стал медленным тактом стучать в свой барабан.

– Услышали! Пошли на приступ! – крикнул Крокар.

– И у меня, – доложил Токи.

Хёрд стоял и тряс пальцем ухо, пытался разработать заложенные громким звуком перепонки.

– Рассказывайте мне всё, что происходит, – прокричал он громче, чем нужно, – да не проморгайте тот момент, когда поднимут на воротах знамя.

Войско Ивара заученно приступило к штурму. Вперёд вышли одетые в броню херсиры. Они сомкнули прямоугольные щиты, присев за ними. За их спинами спрятались лучники, устроившие перестрелку с лучниками монастыря. По концам шеренги латников-херсиров действовали пращники, сновавшие взад и вперёд, ловко и метко метая камни. Копейщики заученным движением сняли наконечники с древков копий. Затем с помощью металлических муфт они соединили по три копьё друг за другом. В результате получились длинные шесты. На их концах в отверстия для штифтов воткнули деревянные поперечные втулки. Точно такие, как те, что использовали наблюдатели Хёрда. Специально обученные для штурма крепостных стен воины, закинули щиты за спину и воткнули в ножны свои короткие мечи. Они взялись двумя руками за торчавшие из древка концы этих втулок и приготовились к атаке. Ивар скомандовал, и рог викингов затрубил сигнал «вперёд». Копейщики взялись за другой конец шестов и рванулись, что есть силы, к стене. Штурмовики, разбежавшись, стали перебирать ногами по каменной кладке стены, поднимаемые вверх силой рук копейщиков. Несколь-

ко викингов, сраженные защитниками крепости, упали вниз. Но пять из них завязали бой на стене монастыря.

От шеренги херсиров отделились крайние воины и повторили путь штурмовых отрядов. Так копейщики действовали до тех пор, пока последний из полусотни латников не взобрался на стену. Далее они стали поднимать наверх вооруженных топорами бондов, всегда спешивших туда, где можно было вдоволь поживиться добытым после боя барахлом. В это время ворота крепости открылись и из них выехали три всадника в тяжелых панцирных кирасах⁴² и в шлемах, украшенных крестами. За ними спешила пешая толпа монахов, одевших поверх ряс доспехи. Звеня кольчугами и латами, они бросились в атаку. Это не смутило викингов. Ивар опять скомандовал, и его оруженосец затрубил в рог сигнал для воинов, оставшихся на месте. Те выстроились в ряд. Копейщики шустро переналадили шести на копьё и выставили их вперёд. Остальные воины вытащили мечи и приготовились к битве. Лучники и пращники сразу без команды стали стрелять по бегущим в атаку воинам монастыря. Ивар сделал круг, разогнав лошадь до галопа, и, поравнявшись с шеренгой своего войска, бросил вперёд лёгкое копьё. Он не собирался ни в кого попадать. Это был традиционный сигнал для начала сечи. Не останавливаясь, конунг поскакал в сто-

---

⁴² Основная часть защитных доспехов, состоявшая из панцирей, прикрывающих грудь и спину. От этого слова произошли «херсир» и «кирасир» – название воинов, закованные в тяжёлую броню

рону воинов монастыря. Его позолоченный шлем призывно сиял в лучах солнца. Пурпурный плащ, развиваясь на скаку, усиливал призыв: «Вперёд! Вперёд!» За конунгом рванулись с места три ярла, знаменосец и пять херсиров королевского полка. Все на лошадях. А следом остальное войско. В руке Ивар держал остроконечную пику, которой он без промедления уверенно выбил из седла предводителя монастырского войска. Оставшиеся рыцари достали длинные мечи и вступили в поединок с конунгом. Подоспевшая пехота обеих сторон сомкнулась встречным боем. Кругом были слышны крики, стоны, звон мечей и глухие удары оружия о щиты противника. Ивару сначала пришлось туго, оба рыцаря напали с двух сторон достаточно умело. Но вовремя подоспевший Хельги поднял на копье одного из них. Второго сам конунг зарубил косым ударом, пробив мечом кольчужную бармицу, свисавшую со шлема. Викинги быстро вырезали пеших воинов и устремились к воротам, которые оставшиеся в крепости монахи попытались закрыть. Но не успели. Толпа норманнов налегла и распахнула створки ворот, ворвавшись внутрь монастыря. Скоротечный бой вскоре затих, известив о безоговорочной победе конунга. Ивар посмотрел вверх. На башне крепости величаво поласкалось на ветру треугольное знамя с хищным вороном на древке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.